

Л.В. Столярова

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ДРЕВНЕЙШИХ СМОЛЕНСКИХ АКТОВ XIII–XIV ВВ. (О КНИГЕ А.С. ИВАНОВА И А.М. КУЗНЕЦОВА)*

Аннотация: Настоящая рецензия посвящена анализу фундаментального издания смоленско-рижских актов, осуществленного в 2009 г. в Латвии А.С. Ивановым и А.М. Кузнецовым. Публикация явилась реализацией целостной концепции авторов, сложившейся на основе комплексного дипломатического, текстологического, лексико-орфографического и палеографического изучения сохранившихся смоленских актов XIII–XIV вв. В рецензии подробно рассматриваются современные принципы медиевистических публикаций памятников славянской кириллической дипломатики и на их фоне — разработанные Ивановым и Кузнецовым правила издания смоленских грамот. Затрагиваются разные актуальные проблемы актовой археологии, в том числе принятые сегодня усложненные и упрощенные нормы исторических и лингвистических изданий. В рецензии показано, что за археографическими принципами, положенными в основу нового издания смоленских актов XIII–XIV вв. и соединившими опыт лингвистических и дипломатических изданий, стоит многолетний труд, связанный с изучением истории происхождения каждого из публикуемых актов, их дипломатического формуляра и палеографических особенностей, систематической истории их текстов, отразившейся в сохранившихся редакциях и списках. Подобного рода подход к изучаемому комплексу грамот позволил А.С. Иванову и А.М. Кузнецову предложить новые атрибуции смоленских актов, обосновать уточнение их датировок и предложить во многих отношениях новые интерпретации текста каждого из документов, вошедших в комплекс смоленско-рижских грамот XIII — первой половины XIV в. В рецензии подчеркнута исключительное значение издания 2009 г. для актовой археологии. Исследование внутренней и внешней формы актов в публикации Иванова-Кузнецова столь детально, основано на тщательном формулярном анализе и новейших методиках изучения почерков, пергамента, декора, диакритических знаков, особенностей прикрепления печатей, степени сохранности и утрат, что ставит его на один уровень с лучшими медиевистическими публикациями современной гуманитарии-

* Статья написана в рамках исследовательского проекта «Памятники древнерусской дипломатики», поддержанного РГНФ (№ 14-01-00425).

стики. Настоящая рецензия посвящена сугубо археографическим проблемам, нашедшим отражение в новом издании смоленских актов, а именно порядку отбора списков и определению правил их воспроизведения; реализации концепции авторов о соотношении разных списков и редакций Договора 1229 г. между собой; о происхождении Договора неизвестного смоленского князя 1229 г. и др. Особое место в рецензии отведено анализу приемов передачи текста смоленских грамот, анализу состава и качества научно-справочного аппарата издания 2009 г., а также соотношению публикации Иванова-Кузнецова с классическим трудом Т.А. Сумниковой и В.В. Лопатина 1963 г.

Ключевые слова: Дипломатика, актовая археография, смоленские акты XIII–XIV вв., правила издания средневековых текстов, рецензия

В 1963 г. Т.А. Сумниковой и В.В. Лопатиным были опубликованы 15 смоленских актов XIII–XIV вв. в сопровождении детального описания списков и с большим словоказателем¹. Издание вышло под грифом Института Русского языка АН СССР. В своей рецензии на эту книгу В.А. Кучкин (1966) писал: «Археографический уровень издания настолько высок, что едва ли, по крайней мере в ближайшее время, возникнет необходимость в повторной публикации этих памятников. Очевидно, что теперь исследователи в своих изысканиях будут опираться прежде всего на новое издание грамот Смоленска»².

Фундаментальное издание смоленско-рижских актов, осуществленное в 2009 г. А.С. Ивановым и А.М. Кузнецовым³, не является просто «повторной публикацией этих памятников». Это — реализация целостной концепции авторов, сложившейся на основе комплексного дипломатического, текстологического, лексико-орфографического и палеографического изучения сохранившихся смоленско-рижских актов XIII–XIV вв. За археографическими принципами, положенными в основу этого издания, стоит многолетний труд, связанный с изучением истории происхождения каждого из актов, их дипломатического формуляра и палеографических особенностей, систематической истории их

¹ Смоленские грамоты XIII–XIV веков / Подгот. к печати Т.А. Сумникова и В.В. Лопатин. Под ред. чл.-корр. АН СССР Р.И. Аванесова. М., 1963.

² Кучкин В.А. О древнейших смоленских грамотах // ИСССР. 1966. № 2. С. 103.

³ Иванов А.[С.], Кузнецов А.[М.] Смоленско-рижские акты XIII в. — первая половина XIV в.: Документы комплекса *Moscowitica — Rutenica* об отношениях Смоленска и Риги. Рига, 2009 (*Latvijas Arhīvi*, серия «Исторические источники»). 765 с., на русск. и латышск. яз.

текстов, отразившейся в сохранившихся редакциях и списках. Подобного рода подход к изучаемому комплексу грамот позволил А.С. Иванову и А.М. Кузнецову предложить новые атрибуции смоленских актов, обосновать уточнение их датировок и предложить во многих отношениях новые интерпретации текста каждого из актов, составивших комплекс смоленско-рижских грамот XIII — первой половины XIV в. В этом — принципиальная новизна издания 2009 г. и исключительное его значение для актовой археографии. Исследование внутренней и внешней формы актов в публикации 2009 г. столь детально, основано на их тщательном формулярном анализе и новейших методиках изучения почерков, пергамента, декора, диакритических знаков, особенностей прикрепления печатей, степени сохранности и утрат, что ставит его на один уровень с лучшими медиевистическими публикациями современной гуманитаристики.

Принципы воспроизведения текста актовых источников в лингвистических и дипломатических изданиях и публикация смоленско-рижских актов 2009 г.

Публикуя комплекс сохранившихся смоленско-рижских актов XIII — первой половины XIV в. и, безусловно, учитывая археографические традиции издания актовых и литературных источников, сложившиеся в советской и российской археографии кириллических текстов, А.С. Иванов и А.М. Кузнецов пошли по пути соединения воедино принципов дипломатической и лингвистической передачи текста. Так, критический аппарат издания 2009 г. (заголовки, легенды, палеографические примечания, библиография, палеографическое описание рукописи, комментарии) соответствует дипломатическим правилам публикации актов, а передача собственно текста смоленско-рижских грамот — лингвистическим. Если принципы дипломатического издания в основном приняты в актовой археографии, то лингвистическими принципами («буква в букву, строка в строку»⁴) чаще всего пользуются при воспроизведении текстов литературных (не актовых и не делопроизводственных) источников.

⁴ Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. Под ред. С.И. Коткова. М., 1971. С. 27, см. также С. 26–28.

Попытка соединить правила лингвистической и дипломатической передачи средневековых кириллических текстов при издании смоленско-рижских актов в основном понятна. А.С. Иванов и А.М. Кузнецов являют собой исследовательский союз историка и филолога. Компромисс между принципами издания средневековых текстов, принятый у историков и лингвистов, в данном случае неизбежен и продиктован задачами лингвистического и исторического источниковедения (ср.: «...публикация древнерусских документов в данном издании является дипломатической, так как тексты воспроизводятся в полном соответствии с архивными оригиналами, а палеографические описания источников являются достаточно подробными»⁵; «...тексты актов воспроизводятся в общем и целом в соответствии с правилами лингвистического издания памятников древнерусской письменности, так как палеографические и лингвистические особенности источников важны... как существенные датирующие признаки»⁶).

Классическим примером дипломатического издания русских актов принято считать «Духовные и договорные грамоты...» Л.В. Черепнина⁷. Последние три десятилетия разработкой принципов дипломатической передачи текстов средневековых актов (последовательно воплощая их в жизнь) занимается С.М. Каштанов⁸. Подготовленные им публикации актов и грамот по усложненным дипломатическим правилам давно вошли в золотой фонд российской археографии⁹. Рассматривая задачу интерпретации текста в качестве одной из важнейших в научном издании, Каштанов последовательно проводит принцип «уважения текста», когда при дипломатической публикации сохраняется орфография подлинника, ясно отражается буквенная структура слов древнерусского текста, но одновременно видны все реконструкции, предложенные археографом (введение словоделения, членение текста на предло-

⁵ Иванов А., Кузнецов А. Смоленско-рижские акты. С. 511.

⁶ Там же.

⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М.; Л., 1950.

⁸ Каштанов С.М. Актовая археография. М., 1998.

⁹ Новонайденная жалованная грамота Ивана III и Василия III 1504 г. Спасскому Валаамскому монастырю // АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 419–443; Россия и греческий мир в XVI веке / Отв. ред. С.М. Каштанов; подгот. к публ. С.М. Каштанова, Л.В. Столяровой, при участии Б.Л. Фонкича. М., 2004; Каштанов С.М. Исследование о молдавской грамоте XV века. М., 2012; Каштанов С.М. Договор России с Ливонией 1535 г. // Каштанов С.М. Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014. С. 483–638 и др.

жения и абзацы, расстановка знаков препинания, использование курсива для внесенных в строку выносных букв, арабских цифр вместо буквенной цифири, а также квадратных и круглых скобок на месте восстановленных утрат и при раскрытии аббревиатур. Заметим также, что отступление от пунктуации рукописи в дипломатических изданиях дополняется тем, что слова после точки, а также имена собственные пишутся в них с прописной буквы). В современной археографии правила усложненной дипломатической передачи текстов, разработанные С.М. Каштановым и применяемые его учениками и последователями, встречают полное неприятие у сторонников упрощенной передачи текстов (как правило, историков) и нередко критикуются сторонниками лингвистических правил (как правило, филологами)¹⁰. *Aeterna historia!*

Как известно, в середине 1940-х годов, когда появились обобщающие правила публикации документов, хранящихся в СССР, были сделаны первые шаги в направлении унификации археографических принципов воспроизведения средневековых текстов. С 1950-х годов при издании подлинников и копий грамот в советской историографии стал вводиться принцип дифференцированного отношения к передаче текстов, датированных временем до XVI в. и после. Если в правилах 1945 г. еще ничего не говорилось о принципах воспроизведения устаревших букв и способах раскрытия титулов, то в правилах 1956 г. этим вопросам было уделено особое внимание¹¹. Рукописи, датированные временем до начала XVI в., предлагалось воспроизводить гражданским шрифтом, сохраняя буквы *i*, *ѣ*, *ѿ* и *ъ* во всех позициях.

Начиная с «Актов социально-экономической истории», где тексты после 1505 г. издавались критически, т. е. по упрощенным правилам (замена устаревших букв на их современные эквиваленты, раскрытие аббревиатур и внесение всех отсутствующих букв в строку без курсива и пр.)¹², упрощенная передача текста

¹⁰ Позиция «упрощенцев» наиболее ярко сформулирована Н.И. Никитиным: *Никитин Н.И.* Об «усложненных» и «упрощенных» правилах издания актовых источников // Отечественные архивы. 1993. № 4. С. 119–122; см. также: *Кустерев С.Н.* Новое издание документов о России и греческом мире в XVI веке // Очерки феодальной России. М., 2005. Вып. 9. С. 311–334, особенно 311–312, 334 и др.

¹¹ Ср.: Основные правила публикации документов Государственного архивного фонда Союза ССР. М., 1945; Правила издания исторических документов. М., 1956.

¹² Акты социально-экономической истории. М., 1952. Т. 1. С. 8.

кириллических рукописей в исторических изданиях стала преобладать. Тем не менее тексты, написанные ранее начала XVI в., продолжали издавать по усложненным правилам, т. е. дипломатически. В Правилах публикации исторических документов 1969 г. уже определенно различались издания дипломатические и «научно-критические». Постепенно упрощенные правила издания исторических документов стали преобладать и последовательно проводились составителями «Грамот Великого Новгорода и Пскова», «Актов феодального землевладения и хозяйства», «Русского феодального архива» и других фундаментальных и серийных изданий актов, а также публикаторами актов монастырских архивов¹³. При этом следует отметить, что каждый археограф был волен вводить те или иные новшества в принципы воспроизведения актовых источников по своему усмотрению, либо отказываться от уже принятых схем. Иными словами, единообразия как у «упрощенцев», так и у «усложненцев», как не было так и нет, а обсуждения деталей воспроизведения текстов грамот становятся все более бурными и бескомпромиссными¹⁴. Наиболее значимые в художественном отношении документы (среди которых памятники деловой письменности и актов, как правило, нет) предполагалось издавать факсимиле.

Параллельно правилам издания исторических документов создавались лингвистические правила, в использовании которых

¹³ По правилам упрощенной передачи текста актов воспроизведены документы в приложениях к монографиям 1970–1990-х годов С.М. Каштанова, в дальнейшем — убежденного «усложненца». См., например: *Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 342–484; *Он же.* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 127–237. По упрощенным правилам изданы, например: Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты Московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.) / Сост. Л.И. Ивина. Л., 1983; Акты социально-экономической истории Севера России конца XV — XVI в.: Акты Соловецкого монастыря 1479–1571. Л., 1988; Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990; Саввин Сторожевский монастырь в документах XVI века из собраний ЦГАДА. М., 1992; Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. М., 1986–1992. Ч. 1–5; Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998 и др.

¹⁴ В связи с этим нельзя не вспомнить бурные дебаты, которые велись вокруг правил издания Актов Русского государства и на несколько десятилетий отсрочили выход в свет второго и последующих томов Троицких актов XVI в. См.: *Каштанов С.М.* Актовая археография. С. 234–235, 283–285; *Столярова Л.В.* Проблемы истории феодальной России в творчестве Сергея Михайловича Каштанова // *Ad fontem / У источника.* М., 2005. С. 37–38.

филологи оказались более последовательными, чем историки в применении «своих» археографических принципов. Правила лингвистического издания были разработаны О.А. Князевской при участии С.И. Коткова в 1961 г.¹⁵ и предполагают нормы, весьма близкие к средневековым *copie figurée* (рисованным копиям), имитирующим внешний вид рукописи (почерк, строчные и надстрочные знаки, особенности размещения текста и пр.)¹⁶. Правила лингвистического издания воспринимаются филологами едва ли не как обязательные к исполнению и в настоящее время применяются большинством лингвистов, к которым примкнула значительная часть историков-«усложненцев». Споры о целесообразности усложненной передачи текста еще более обострились и ведутся теперь не только между сторонниками и противниками «упрощенцев», но и между сторонниками усложненных правил передачи текста: дипломатического и лингвистического.

Наряду с последовательным осуществлением принципа «буква в букву, строка в строку» лингвистические издания отличаются использованием шрифтов-имитаторов для якобы точного воспроизведения всех особенностей графики уставных или полууставных текстов. Однако лингвистические правила создавались в то время, когда любое фотографическое и тем более факсимильное воспроизведение рукописи было сопряжено с чрезвычайными техническими и финансовыми сложностями, которые превращали факсимильный тип издания в едва ли доступную роскошь. *Copie figurée*, вероятно, казались выходом из создавшейся ситуации. Действительно, только шрифты-имитаторы давали возможность последовательно передать столь важные для любого лингвиста (в скобках заметим, что не только для лингвиста, а также для дипломатиста, текстолога, палеографа) диакритические (т. е. различные надстрочные, подстрочные, внутривстрочные) знаки, особенности расположения текста на листе и границы строк, способы употребления при письме словосокращений, титлов и выносных и пр. Иными словами, шрифты-имитаторы превратились в неперменный атрибут современных *copie figurée*. Тем не менее стандартизованные шрифты-имитаторы типа «Izhitsa», «CyrillicaOchrid» «CyrillicaBgEpigraph» и др. не передают и не

¹⁵ Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности. М., 1961.

¹⁶ См.: Каштанов С.М. Русская дипломатика. М., 1988. С. 33.

могут передавать специфические и строго индивидуальные признаки внешней формы средневековых текстов. Представляется совершенно очевидным, что самое качественное подобие не может конкурировать с оригиналом. Фотокопия передает графические особенности любого текста лучше, нежели это делают шрифты-имитаторы. Но и даже она не в состоянии заменить непосредственного обращения исследователя к рукописи!

Строгое следование лингвистическим правилам издания средневековых текстов исключает их историко-правовую интерпретацию, ибо они не предполагают введения современной пунктуации, членения на предложения, рубрики и абзацы, а также замену словосокращений законченными формами слов. В дипломатической публикации знаки препинания вводятся в соответствии с теперешними нормами их употребления. Все реконструкции, производимые археографом, обозначаются курсивом, а также круглыми (при раскрытии титлов) и квадратными (при восполнении утрат и повреждений) скобками. По справедливому замечанию С.М. Каштанова, «непримиримое противоречие» между лингвистическим и дипломатическим изданием состоит именно в принципиально различном отношении археографа к диакритическим знакам¹⁷. В дипломатическом издании они либо полностью игнорируются, либо в лучшем случае комментируются и даже прорисовываются в палеографических примечаниях. В лингвистических изданиях они неизменно сохраняются благодаря шрифтам-имитаторам. Однако ни один самый совершенный шрифт-имитатор не способен отразить всего многообразия форм этих знаков, употребление которых каждым писцом было строго индивидуальным и осуществлялось им в соответствии со сложившимися именно у него представлениями о смыслах, нормах, прикладном значении и традициях использования их в тексте.

В этом смысле показателен опыт издания новгородских грамот на бересте (с 1953 г.), каждая из которых в рамках одного тома воспроизводится трижды, а в ранних выпусках — и четырежды, удовлетворяя профессиональные потребности как историков, так и лингвистов: фотовоспроизведение, прорись, лингвистическая передача текста («буква в букву, строка в строку», причем без разбивки на слова и абзацы), а также публикация-интерпретация с разделением на слова, введением прописных букв и расстанов-

¹⁷ Каштанов С.М. Актовая археография. С. 243.

кой знаков препинания в соответствии с нормами современной пунктуации. Думается, что такие действительно усложненные принципы издания, которые касаются не только собственно порядка воспроизведения текстов берестяных грамот, но и всего археографического аппарата серии «Новгородские грамоты на бересте», отнюдь не связаны только с тем, что в разработке правил передачи текста и подготовке ее томов принимали участие как историки (А.В. Арциховский, М.Н. Тихомиров, В.Л. Янин), так и лингвисты (В.И. Борковский, А.А. Гиппиус, А.А. Зализняк)¹⁸. Попытка максимально приблизить передачу текста к оригиналу, безусловно, отразила представление издателей о том, что любое воспроизведение текста — это лишь более или менее точное отражение текста рукописи и его палеографических особенностей, а также интерпретация текста каждой конкретной грамоты специалистом. Наличие фотовоспроизведений и прорисей как бы приглашает к продолжению исследования, к поиску новых прочтений и смыслов уже известных, введенных в научный оборот текстов берестяных грамот. Для большинства грамот в издании даются прорисы, позволяющие сравнивать опубликованный лингвистическим методом текст с оригиналом и изучать палеографию рукописи.

Полагаю, что современное состояние археографии средневековых памятников письменности, которая служит нуждам и лингвистического, и исторического исследования, настоятельно требует соединения в одном издании как минимум двух способов воспроизведения текста: факсимильного (фотография) и дипломатического. Последовательное фотовоспроизведение рукописи даст

¹⁸ См.: *Арциховский А.В., Тихомиров М.Н.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953; *Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954; *Арциховский А.В., Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958; *Они же.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958; *Они же.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963; *Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). М., 1963; *Арциховский А.В., Янин В.Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978; *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986; *Они же.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993; *Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004; ср., например: *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1990–1993 гг. // ВЯ. 1994. № 3. С. 3–22; *Кацтанов С.М.* Актовая археография. С. 239.

более полное, впрочем, совсем не исключающее необходимости обращения к подлиннику, представление о ее палеографии, дипломатическое — предложит историко-дипломатическую интерпретацию ее текста публикаторами и сделает этот текст более удобным для изучения и цитирования¹⁹.

Издание смоленско-рижских актов — на полпути к такой «идеальной» по нашему мнению цели. Детальное археографическое сопровождение каждого акта выгодно отличает эту публикацию от изданий, воспроизводящих текст источника сугубо по лингвистическим правилам. В сущности, А.С. Иванов и А.М. Кузнецов творчески разработали и применили собственные правила воспроизведения кириллических текстов XIII–XIV вв., как мы уже говорили, основанные на синтезе лингвистических и дипломатических принципов публикации документальных источников эпохи средневековья. В этом издании не хватает лишь факсимильного воспроизведения грамот, которое, заметим, готовится А.С. Ивановым, А.М. Кузнецовым, С.М. Каштановым, К.В. Барановым, Н.А. Комочевым, Л.В. Столяровой, С.Ю. Королевой в рамках серии «*Monumenta paleographica*» под редакцией С.М. Каштанова и П. Гонно²⁰.

Состав документов и грамот, опубликованных в издании 2009 г. Отбор сохранившихся списков договора 1229 г. для публикации

Исключительное значение сохранившихся смоленских актов для дипломатических, палеографических и лингвистических исследований очевидно. Для дипломатиста и палеографа они являются бесценный материал по истории канцелярской практики средневековой Руси²¹. Отсутствие в России X–XVI вв. «канцелярий» в западном смысле слова — специальных учреждений с определенным штатом и иерархией чинов, в которых осуществ-

¹⁹ *Каштанов С.М.* Актовая археография. С. 243.

²⁰ Имеем в виду совместный российско-французско-латышский проект, инициированный в свое время членом-корреспондентом французской Академии Ж. Везеном и ныне покойным проф. Х. Ацма, над которым авторский коллектив в настоящее время работает.

²¹ Точнее — историю «протоканцелярий». См.: *Каштанов С.М.* Исследования по истории княжеских канцелярий. С. 6–12.

влялось документирование, — обрекает историка на изучение не столько механизма работы канцелярии-учреждения, сколько на исследование «...особенностей внешней и внутренней формы документов, являвшихся продуктом делопроизводства «протоканцелярского» периода»²², а точнее — на формулярный анализ. Смоленские акты, демонстрирующие образцы раннего документирования XIII–XIV вв., позволяют обратиться к исследованию подлинников, которое дает бесценный материал для наблюдений над порядком удостоверения актов, способами прикрепления печатей, принципами расположения текста на листе, последовательностью работы писца и пр. Иными словами, не будучи ограничен возможностями сугубо формулярного анализа, дипломатист, изучающий оригиналы и списки смоленских грамот, выходит к исследованию наименее изученной в отечественной историографии проблематики, связанной с реконструкцией процесса документирования в рамках древнейших протоканцелярий. В этом отношении материал смоленских актов бесценен для истории становления государственного аппарата управления в России в средние века и раннее новое время.

Значимость смоленских актов XIII–XIV вв. для лингвистического исследования определяется тем, что они ярко отразили местные диалектные черты, особенно в области фонетики и морфологии древнерусского языка. Уникальность смоленских грамот для истории языка подчеркивается особенностями их словарного состава и употреблением в них специфических синтаксических конструкций. Поэтому вполне оправдан избранный А.С. Ивановым и А.М. Кузнецовым подход к изданию каждого древнейшего списка смоленских актов в виде равноценных текстов (когда каждый список есть самостоятельный документ, и публикуется отдельно от других) и отказ от публикации Рижской и Готландской редакций договора 1229 г. по какому-то основному списку²³ с подведением разночтений по другим сохранившимся спискам. Каждый список (кроме *F*) издается полным текстом.

В издании смоленско-рижских грамот 2009 г. под номерами 1–9 публикуются 12 документов: 1) фрагмент договора²⁴ Смолен-

²² Там же. С. 11.

²³ Т. е. по списку, признанному наиболее древним, наиболее точным, наиболее исправным.

²⁴ «Условия к договору»; см.: Иванов А., Кузнецов А. Смоленско-рижские акты. С. 215–245.

ска с Ригой и Готландом (так называемый «Договор неизвестного смоленского князя 1229 г.²⁵»), или «список *К*» (под номером **1**); 2) список *Е* Рижской редакции договора 1229 г. смоленского кн. Мстислава Давыдовича с Ригой, Готландом и немецкими городами (помещен под номером **2а**); 3) Список *Д* Рижской редакции договора 1229 г. смоленского кн. Мстислава Давыдовича с Ригой, Готландом и немецкими городами (помещен под номером **2б**); 4) Список *А* Готландской редакции договора 1229 г. смоленского кн. Мстислава Давыдовича с Ригой, Готландом и немецкими городами (помещен под номером **3а**); 5) Список *В* Готландской редакции договора 1229 г. смоленского кн. Мстислава Давыдовича с Ригой, Готландом и немецкими городами (помещен под номером **3б**); 6) Список *С* Готландской редакции договора 1229 г. смоленского кн. Мстислава Давыдовича с Ригой, Готландом и немецкими городами (помещен под номером **3с**); 7) Грамота о предоставлении чистого пути немецким и русским купцам смоленского кн. Федора Ростиславича рижскому архиепископу Иоганну I, магистру Ливонского ордена Виллекину и ратманам Риги 1284 г. (помещена под номером **4**); 8) Грамота смоленского кн. Федора Ростиславича по судному делу о немецком «колоколе» (гире) 1284 г. (помещена под номером **5**); 9) Грамота рижского архиепископа Иоганна II (?) смоленскому князю Федору Ростиславичу с обвинением жителей г. Витебска в необоснованной жалобе на рижан (помещена под номером **6**); 10) Грамота смоленского кн. Александра Глебовича рижским ратманам и рижанам с подтверждением прежних дружественных отношений между Смоленском и Ригой (помещена под номером **7**); 11) Договорная грамота смоленского кн. Ивана Александровича с магистром Ливонского ордена, рижским архиепископом, ратманами и рижанами о подтверждении прежних договоров между Смоленском и Ригой (помещена под номером **8**); 12) Перевод XVII в. на немецкий язык грамоты 18 мая 1284 г. смоленского кн. Федора Ростиславича рижскому архиепископу Иоганну I, магистру Ливонского ордена Виллекину и ратманам Риги (в виде регеста, под номером **9**).

²⁵ А.С. Иванов и А.М. Кузнецов обосновывают датировку этого документа 1219–1228/29 годами (см.: *Иванов А., Кузнецов А.* Смоленско-рижские акты. С. 215–245; *Иванов А.С., Кузнецов А.М.* Договор неизвестного смоленского князя XIII века // Проблемы источниковедения. М., 2010. Вып. 2 (13). С. 136–182).

Таблица. Смоленские грамоты в изданиях 1963 и 2009 гг. (соответствия состава публикаций)

Издание 1963 г.			Издание 2009 г.				
№ грамоты	Наименование документа	Номер документа в издании	Список	№ грамоты	Наименование документа	Номер документа в издании	Список
[№ 1]	Договор неизвестного смоленского князя с Ригой и Готским берегом, 1229 г.	[1]		№ 1	Условия к договору Смоленска с Ригой и Готским берегом, [1219–1228/29 г., Смоленск]	[1]	К
[№ 2]	Торговый договор Смоленска с Ригой и Готским берегом, 1229 г.			№ 3	Торговый договор, заключенный смоленским кн. Мстиславом Давыдовичем с Ригой, Готландом и немецкими городами, 1229 г.		
		[2]	A	№ 3a	Готландская редакция, [список 1229 г., Готланд]	[4]	A
		[3]	B	№ 3b	Готландская редакция, [список 1229 г. или немного позже, Смоленск]	[5]	B
		[4]	C	№ 3c	Готландская редакция	[6]	C
				№ 2	Торговый договор, заключенный смоленским кн. Мстиславом Давыдовичем с Ригой, Готландом и немецкими городами, 1229 г.		
		[5]	D	№ 2b	Рижская редакция, [список 1229 г., Смоленск]	[3]	D
		[6]	E	№ 2a	Рижская редакция, [список 1229 г., Смоленск]	[2]	E
		[7]	F				

Издание 1963 г.			Издание 2009 г.				
№ грамоты	Наименование документа	Номер документа в издании	Список	№ грамоты	Наименование документа	Номер документа в издании	Список
[№ 3]	Грамота кн. Федора Ростиславича по судному делу о немецком колоколе, 1284 г.	[8]		№ 5	Грамота смоленского кн. Федора Ростиславича по судному делу о немецком «колоколе» (гире), 1284 г.	[8]	
[№ 4]	Подтвердительная грамота кн. Федора Ростиславича, 1284	[9]		№ 4	Грамота о предоставлении чистого пути немецким и русским купцам смоленского кн. Федора Ростиславича рижскому архиепископу Иоганну I, магистру Ливонского ордена Виллемину и ратманам Риги, 1284 г. [18 мая]. Смоленск	[7]	
[№ 5]	Подтвердительная грамота кн. Александра Глебовича, ок. 1300 г.	[10]		№ 7	Грамота смоленского кн. Александра Глебовича рижским ратманам и рижанам с подтверждением прежних дружественных отношений между Смоленском и Ригой. [1297–1313]. Смоленск	[10]	
				№ 6	Грамота рижского архиепископа Иоганна II (?) смоленскому кн. Федору Ростиславичу с обвинением жителей Витебска в необоснованной жалобе на рижан. [1284–1297 гг., очевидно, ближе к 1285–1287 гг.]. Рига	[9]	
№ 6	Подтвердительная грамота кн. Ивана Александровича, перв. пол. XIV в	[11]		8	Договорная грамота смоленского кн. Ивана Александровича с магистром Ливонского ордена, рижским архиепископом, ратманами и рижанами о подтверждении прежних договоров между Смоленском и Ригой [не ранее 1 ноября 1338–1341 г.]	[11]	

Издание 1963 г.			Издание 2009 г.				
№ грамоты	Наименование документа	Номер документа в издании	Список	№ грамоты	Наименование документа	Номер документа в издании	Список
[№ 7]	Грамота кн. Юрия Святославича о союзе с королем польским и литовским Володиславом и в. кн. Скиргайлом, 1386 г.	[12]					
[№ 8]	Уставная грамота кн. Ростислава, подтвержденная грамота еп. Мануила 1150 г. и дополнительная грамота	[13: Уставная грамота кн. Ростислава]					
		[14: Грамота еп. Мануила, 1150 г.]					
		[15: Список оброков в пользу епископа]					
				№ 9	Перевод на немецкий язык грамоты о предоставлении чистого пути немецким и русским купцам, написанной 18 мая 1284 г. от имени смоленского кн. Федора Ростиславича рижскому архиепископу Иоганну I, магистру Ливонского ордена Виллекину и ратманам, XVII в.	[12]	

В традициях немецкой археографии XIX в. списки договора 1229 г. публикуются под присвоенными им и давно утвердившимися в историографии латинскими буквенными номерами. Все документы в издании 2009 г. располагаются в хронологической последовательности, установленной в соответствии с уточненными Ивановым и Кузнецовым атрибуциями и датировками списков договора 1229 г. Исключением является список *C* договора 1229 г., который датирован первой половиной XIV в., но помещен вместе с двумя другими списками Готландской редакции договора 1229 г. (*A* и *B*), датируемыми XIII в. Под одним номером публикуются списки *E* и *D* Рижской редакции договора 1229 г. (под № 2: 2а и 2b) и списки *A*, *B*, *C* Готландской редакции договора 1229 г. (под № 3: 3а, 3b, 3с). Иными словами, каждый из двух списков Рижской редакции и каждый из трех списков Готландской редакции договора 1229 г. издается как отдельный документ. Сохранившийся без начала так называемый «Договор неизвестного князя 1229 г.» (или «список *K*») издан как «Условия к договору Смоленска с Ригой и Готландом 1219–1228/29 г.» (№ 1).

Список *F* Рижской редакции договора смоленского кн. Мстислава Давыдовича с Ригой, Готландом и немецкими городами 1229 г., опубликованный Т.А. Сумниковой и В.В. Лопатиным как «копия договора 1229 г.»²⁶, в издании 2009 г. не воспроизводится. Как известно, список *F* сохранился в составе сборника текстов юридического характера, датированного серединой — второй половиной XIV в. (РГАДА. Ф. 135. Отд. 5. Рубр. 1. № 1). А.С. Ивановым и А.М. Кузнецовым последовательно проведен принцип публикации только тех документов договорного вида, которые выполняли функцию официального документа, т. е. были актами не только по содержанию, но и по своим формальным признакам (наличие удостоверительных знаков, прежде всего — печати или следов ее прикрепления). Таковым список *F* никогда не был. Скорее всего, он, равно как и другие документы юридического характера в составе этого сборника, использовался исключительно в справочных целях.

²⁶ См.: Смоленские грамоты. С. 7, примеч. 2: «...Под списком ...понимается текст, списанный с оригинала и оформленный как документ, имеющий самостоятельную, равную с оригиналом юридическую силу (или подготовленный к такому оформлению); текст, списанный с другой целью и потому не имеющий такого оформления, считается копией».

Вместе с тем в списке *F* нет так называемой «приписки о татарах», которая есть в списках *E* и *D* Рижской редакции. По мнению авторов, это является косвенным признаком происхождения списка *F* в Смоленске, т. к. оба «рижских» по происхождению списка Рижской редакции — *E* и *D* — эту приписку содержат и исключает вероятность того, что список *F* копировался непосредственно со списка *E*, находившегося в Риге с 1229 г. В списке *F* нет пропусков текста, которые имеются в списке *D*, что в совокупности с тем, что последний с 1270-х годов хранился в Риге, делает невозможным предположение о том, что список *D* был протографом *F*. По мнению Иванова и Кузнецова, это доказывает связь списка *F* со списком *E*. Однако список *E* не непосредственно предшествовал списку *F*, что допускает вероятность существования еще какого-то несохранившегося списка с *E* — промежуточного между списками *E* и *F*²⁷.

Текст договора 1229 г. в списке F сохранился с большими неточностями, искажениями и пропусками, а потому не пригоден даже для подведения разночтений и восстановления текста гипотетического списка [E₁]. Впрочем, издание текста всех древнейших списков одного и того же договора в виде самостоятельных равноценных документов (списки A, B, C, D, E, из которых E, D, A и B — подлинники) исключает необходимость такой археографической манипуляции, как подведение разночтений в принципе. В этом подходе А.С. Иванов и А.М. Кузнецов предельно точны: они издают списки договора 1229 г., представляющие две редакции (Готландскую и Рижскую) его текста, а не собственно «договор». Иными словами, в издании 2009 г. текст нескольких списков договора 1229 г. представлен как исторический факт и феномен, как отразившаяся в конкретных списках живая история бытования документа, дипломатической и делопроизводственной практики и языка эпохи.

Избранный подход потребовал отказа от некоей археографической реконструкции текста договора 1229 г., которая должна была бы быть явлена «основным списком» и подведением «разночтений» к нему по другим сохранившимся спискам в рамках той или иной редакции, а также потребовала бы деления текста на структурные и смысловые части (статьи), как это было приня-

²⁷ Иванов А., Кузнецов А. Смоленско-рижские акты. С. 296–339.

то в археографии смоленских грамот, начиная с публикации Э.С. Тобина (1844)²⁸.

История происхождения текста договора 1229 г., генеалогия его списков, а также история его бытования в дипломатической и торговой практике второй четверти XIII в. представлена в книге А.С. Иванова и А.М. Кузнецова в разделе о сравнительной текстологии смоленских договоров, а полученные данные сведены в таблицу²⁹. При этом авторы подчеркивают, что предложенная ими реконструкция хронологии и последовательности возникновения сохранившихся списков договора 1229 г., оставаясь гипотетической, отражает связь появления списков *E*, *D*, *A* и *B* с процедурой разработки, согласования и утверждения договора 1229 г.³⁰.

Список *K* Иванов и Кузнецов считают предназначенным для внутреннего использования документом, содержащим предварительные условия к соглашению Смоленска с Ригой и Готландом. Авторы убедительно доказали, что его формуляр не соответствует внутренней форме международных договоров и вряд ли позволяет считать этот документ неким проектом договора 1229 г., т. к. в нем выражена воля только одной из договаривающихся сторон, а именно смоленского князя. В соответствии с концепцией Иванова и Кузнецова, в середине XIII в. хранившийся в Смоленске список *K* был утвержден печатью и отослан в Ригу. В 1270–1277 гг. смоленский кн. Глеб Ростиславич утвердил своей печатью список *D* Рижской редакции договора 1229 г., приняв его за окончательный вариант договора, и отослал в Ригу. В Риге в списке *D* по приписке, содержащейся в списке *E*, была сделана вставка (т. н. «приписка о татарах»), «очевидно, для того, чтобы оба экземпляра были совершенно одинаковыми»³¹.

²⁸ Tobien. E.S. Die aeltesten Tractate Russlands, nach allen bisher entdeckten und herausgegebenen Handschriften verglichen, verdeutschet und eraeutert durch Dr. jur. E.S. Tobien // Sammlung kritisch-bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechtes, hrsg. durch Dr. jur. E.S. Tobien. B. 1: Die Prawda Russkaja und Die aeltesten Tractate Russlands. Dorpat, 1844. S. 41–72.

²⁹ Иванов А., Кузнецов А. Смоленско-рижские акты. С. 215–245. В следующей части нашего обзора, которая будет опубликована в одном из следующих выпусков ДГ, мы планируем подробно обратиться к текстологическим аспектам публикации А.С. Иванова и А.М. Кузнецова 2009 г., а также к подробному разбору их концепции происхождения списков договора 1229 г. и так называемой «грамоты неизвестного смоленского князя» 1229 г.

³⁰ Иванов А., Кузнецов А. Смоленско-рижские акты. С. 296–334.

³¹ Там же. С. 333.

Списки *E*, *D*, *A* и *B* договора 1229 г. условно считаются подлинниками, так как они возникли «...примерно в одно и то же время и непосредственно отразили стадии разработки договора 1229 г.»³². Согласно аргументации А.С. Иванова и А.М. Кузнецова, списки *E* и *D* Рижской редакции и список *A* Готландской редакции могли появиться примерно в одно и то же время (скорее всего, в 1229 г.), а список *B* Готландской редакции был составлен либо тогда же, либо несколько позже. При этом текст списков Рижской редакции старше текста списков Готландской редакции. Иными словами, списки Рижской редакции отразили первоначальный вариант договора 1229 г., а точнее — его проект на древнерусском языке. В списках Готландской редакции представлен уже утвержденный текст договора 1229 г. Список *E* Рижской редакции является протографом списка *D*, который, в свою очередь, был современной копией, сделанной со списка *E*. Вместе с тем список *D* можно считать оригиналом договора 1229 г.: впоследствии он был заверен печатью, т. е. использовался как официальный документ, имевший юридическую силу.

Старшим списком Готландской редакции А.С. Иванов и А.М. Кузнецов считают список *A* — протограф остальных списков этой редакции. Сохранившийся со следами целенаправленного редактирования, список *B* Готландской редакции отразил, по мнению Иванова и Кузнецова, его связь со списком *A* через гипотетический список *B* протограф, который к настоящему времени утрачен. Список *C* Готландской редакции текстуально связан не со списком *B*, а со списком *A* — непосредственным протографом списка *C*. При этом список *C* копирует *A* даже во внешнем его оформлении и орфографии³³. Этими положениями определяется датировка названных списков 1229 г. и порядок их расположения в публикации 2009 г. относительно друг друга: *K*, *E*, *D*, *A*, *B*, *C*, *F*.

Текст документа № 9 (перевод XVII в. на немецкий язык грамоты смоленского кн. Федора Ростиславича рижскому архиепископу, магистру Ливонского ордена и ратманам Риги 18 мая 1284 г. (см. № 4)) в издании 2009 г. не воспроизводится. Публикуется лишь регест с кратким палеографическим описанием. Отказ от полной публикации этого источника обосновывается Ивановым и Кузнецовым тем, что он никогда не использовался в диплома-

³² Там же. С. 334.

³³ Там же. С. 327.

тической практике и не предназначался для нее, т. е. не является ни документом, ни актом в строгом смысле этого слова.

Общие принципы воспроизведения текста смоленско-рижских актов в издании 2009 г.

По детальности воспроизведения палеографических и лексико-орфографических особенностей текста издание смоленских грамот 2009 г. представляет собой нечто исключительное. Текст актов передается в орфографии подлинника; замена букв, вышедших из употребления, их современными эквивалентами не допускается. Титла не раскрываются, надстрочные буквы и знаки сохраняются в том положении, в каком они помещались в рукописи. Слова, написанные сокращенно, передаются так, как они написаны в рукописи. Буквенная цифирь арабскими цифрами не заменяется; титла над буквенными обозначениями цифр и точки сохранены. Киноварные буквы выделены жирным шрифтом.

В публикации Т.А. Сумниковой и В.В. Лопатина в текст некоторых смоленских актов в квадратных скобках вводились номера статей и пунктов, что больше свойственно не лингвистическим, а историческим публикациям, причем как дипломатическим, так и упрощенным критическим. Стремясь избежать противоречия с правилами лингвистического издания («буква в букву, строка в строку»), А.С. Иванов и А.М. Кузнецов отказались от разбивки текста грамот на статьи и параграфы. В издании 2009 г. введена только нумерация строк³⁴, при этом границы строк вертикальной чертой не фиксируются. Для списков *B*, *E*, *D* договора 1229 г. отмечено расположение текста в столбцах, которые обозначены латинскими литерами **a**, **b**, **c**, а строки пронумерованы в каждом столбце в отдельности. Приписки, внесенные в текст документов (т. н. приписка «о татарах» в списках *E* и *D*, приписка от имени кн. Александра Глебовича в списке *B* договора 1229 г.), воспроизводятся вместе с текстами документов. Нумерация строк в приписке, сделанной в списке *B*, и в основном тексте документа даны отдельно.

Палеографические примечания даются постранично под строкой, но с общей для каждого документа валовой нумерацией

³⁴ Там же. С. 511.

римскими цифрами. Отмечаются все исправления букв в рукописи, правда, при этом не говорится, каким почерком и какими чернилами они сделаны: «Буква **о** исправлена из другой буквы», «Буквы предшествующего слова и **к** наведены. Вниз до строки 19 тянется пятно» и т. п. К сожалению, отсутствие указаний типа «буква *x* исправлена из *x₁* тем же почерком, но другими чернилами», «буква *x* исправлена из *x₁* тем же почерком, но другими чернилами» «буква *x* исправлена из *x₁* другим почерком и другими чернилами» существенно обедняет информацию о характере исправлений и их синхронности основному тексту. Поскольку в издании 2009 г. факсимильного воспроизведения документов нет, читателю невозможно составить представление о возможном редактировании (или все-таки саморедитировании?) писца, а все предположения публикаторов об этом выглядят лишенными достаточной аргументации.

Исправления и коррективы в текст источника издателями не вносятся, а отношение их к ошибкам писца выражается в примечаниях словами «Так в ркп.» или указанием вероятного правильного чтения (например: «Вм. **боудоучи**», «Так в ркп., не дописано **роусьи**»). Когда пропуск в тексте устанавливается по другим спискам, пропущенное слово приводится в примечании с ссылкой к этим спискам («Далее пропущен союз **и** (см. список *Е*)»). Расхождения с предшествующими публикациями отмечаются: «Буква **з** почти не видна; в сборнике “Смоленские грамоты” (1963), с. 37 прочитано — **с**». Размер пропуска в буквах не определяется. Авторский текст примечаний набирается прямым петитом, а слова и отдельные буквы, приводимые из источника или предполагаемые как возможное правильное чтение, вводятся полужирными буквами стилизованного кириллического алфавита. Для дипломатических изданий это несколько непривычно, поскольку в них чаще всего палеографические примечания составителей передаются курсивом (и вообще курсив является признаком археографической обработки текста), а текст рукописи набирается прямым петитом.

Повреждения и утраты в тексте грамот, а также реконструкция лакун в издании 1963 г. отмечались угловыми скобками³⁵. В издании 2009 г. поврежденные и утраченные буквы, которые могли

³⁵ Историки в таких случаях обычно пользуются не угловыми, а квадратными скобками (знак реконструкции утраченного текста).

быть восстановлены по фотокопиям и предшествующим публикациям, обозначены подчеркиванием. Порча букв пятнами чернил и прочих жидкостей оговаривается в подстрочных примечаниях. Однако характер утраты части текста в палеографических примечаниях определен не ясно. Не всегда понятно, что произошло с текстом: был ли он затерт, смыт, полусмыт, написан по стертому, написан по смытому, поновлен тем же почерком и теми же чернилами, поновлен другим почерком, или же повреждения его вызваны какой-то иной причиной. Характер и степень поврежденных А.С. Ивановым и А.М. Кузнецовым определяется не точно («вниз до строки 19 тянется пятно»; «на слове и над строкой пятно»; «буква з почти не видна») и часто оставляет вопросы, которые невозможно решить без обращения к подлиннику.

Для истории бытования того или иного документа нередко бывает важно знать, какие именно повреждения наступили в случае загрязнения текста пятном, какое именно это пятно — чернильное, капли воска, жира, пролитой жидкости, возникшее от сырости. Мы никогда не знаем, какие вопросы могут появиться у исследователя, пользующегося археографическим аппаратом издания. Однако все хорошо осведомлены, какую роль в прояснении истории использования документа в делопроизводственной и канцелярской практике, в определении первоначального расположения листа или документа внутри сборника копий или архивной папки могут сыграть элементарные «пятна»³⁶. Поэтому палеографические примечания должны быть максимально точными и конкретными. В медиевистической археографии любая деталь важна и каждая мелочь может иметь значение!

В подчеркивании восстановленных по другим изданиям поврежденных и ныне не читаемых букв прослеживается использование А.С. Ивановым и А.М. Кузнецовым принятого в западной археографии метода унифицированной фиксации поврежденных текста. Так, в публикациях латинских и греческих документов дефектные чтения обычно отмечаются точкой (над буквой или под нею). Такой способ фиксации утрат далек от идеального, поскольку он игнорирует указания на индивидуальные особен-

³⁶ Имеем в виду исследования В.К. Клейна о порядке первоначального расположения листов внутри Следственного дела о гибели царевича Дмитрия Угличского, исследования С.М. Каштанова о Погодинских сборниках, исследования С.М. Каштанова и Л.В. Столяровой о дополнительных вклейках в копийную книгу Павло-Обнорского монастыря и пр.

ности дефекта. В приверженности к графическому обозначению восстановленных по прежним публикациям утрат (например, подчеркиванием, как в издании смоленских грамот 2009 г.) читается стремление текстолога реконструировать текст, вполне различимый до утраты. Однако палеограф или дипломатист не получают необходимой им информации о том, что произошло с ныне утраченным фрагментом после последней его публикации в сохранном виде. Не ясно, был ли фрагмент смыт, стерт, выкрошился вместе с краем бумажного листа, срезан вместе с частью внешнего поля, залит чернильным пятном, поврежден химическим реактивом, утрачен в результате неудачной реставрации и т. д., хотя такие указания способны прояснить (или по крайней мере дополнить) историю бытования и хранения рукописи.

Примечания по содержанию для списков договора Смоленска с Ригой, Готландом и немецкими городами 1229 г. (списки *A, B, C, D, E*), а также для «Условий к договору Смоленска с Ригой и Готландом» (список *K*, или т. н. «договор неизвестного смоленского князя») даются в «Сравнительной таблице статей Рижской и Готландской редакций договора 1229 г. и т. н. “Договора неизвестного Смоленского князя”».

В археографических легендах в издании 2009 г. представлены: 1) предполагаемая и обоснованная в исследовании (в квадратных скобках) или фактическая дата документа; 2) заголовок, отражающий его содержание; 3) сведения о месте хранения и шифре (в рубрике «Подлинник»); 4) сведения о материале для письма (пергамен, бумага) и его размерах (основание на высоту, в см); 5) краткие данные о печати, которой документ был скреплен; 6) о предшествующих публикациях с кратким указанием на то, по подлиннику, копии или по какому-то изданию документ был ранее издан; 7) о литографических и фотографических воспроизведениях документа в предшествующих изданиях; 8) о публикациях, посвященных печатям, скреплявшим публикуемый документ (в рубрике «Воспроизведение и описание печати»); 9) о важнейших упоминаниях документа в литературе, в том числе в обзорах и регестовых публикациях; 10) об основных исследованиях документа.

Далее после публикации текста грамоты в рубрике «Комментарии» помещены развернутые сведения историко-географического, генеалогического, дипломатического и лексико-орфографического характера, служащие для подкрепления принятых А.С. Ивановым

и А.М. Кузнецовым датировок и атрибуций актов. Примечания внутри рубрики вводятся арабскими цифрами.

Особый раздел научно-справочного аппарата издания составляет рубрика «Описание рукописи». В ней даются развернутые сведения 1) о хранении публикуемых актов; 2) об их внешнем виде, материале для письма, способах складывания листа пергамента (№ 1–7) или бумаги (№ 8–9), повреждениях и дефектах, 3) об архивных пометах и пометках на документах (пометы XIV–XIX вв., написанные в большинстве случаев на немецком, реже — латинском языке, датируются по почерку и публикуются с указанием границ строк; все архивные пометы и пометки, возникшие в процессе бытования рукописи, воспроизводятся фотографически); 4) о печатях, скрепляющих документ (сообщаются размеры печати и материал, из которого она изготовлена; каждая печать с обеих сторон воспроизводится фотографически; описывается способ прикрепления печати, дополненный фотографиями шнура и места прикрепления шнура к пергамену; в случае утраты печати публикуются сведения о ней, имеющиеся в литературе (№ 8), в том числе воспроизводятся прориси утраченной печати³⁷); 5) о чернилах, какими написан документ; 6) о разлиновке и компоновке текста; 7) о почерках основного текста и почерках приписок, сделанных в документе почерком, отличным от почерка основного писца. Анализ особенностей почерка подкреплен фотовоспроизведением начертаний, имеющих датирующее значение. Палеографические описания не ограничиваются общими характеристиками почерка и состава букв в каждом из публикуемых документов. Они содержат, в частности, сведения о буквах, полностью или частично оказавшихся в складках пергамента (например, в списке *С* договора 1229 г.), лигатурах, форме титулов, надстрочных знаках и знаках препинания. Отмечены все случаи использования выносных, фиксируется размер строчных и выносных букв. Публикация договорной грамоты смоленского кн. Ивана Александровича с Ригой и Ливонским орденом сопровождается описанием ее водяного знака (арбалет), который сопоставлен с однотипными филигранями альбома В.А. Мошина и С.М. Тралича (1957). Эта грамота, относящаяся к первой половине XIV в., представляет собой древнейший русский акт, на-

³⁷ См., например: *Иванов А., Кузнецов А.* Смоленско-рижские акты. С. 253 (прорись утраченной печати, которой был скреплен список *К*).

писанный на бумаге, вероятно, более древний, чем договор в. кн. Семена Гордого с братьями середины XIV в.

К публикации приложены словоуказатель, составленный по лексико-грамматическому принципу; указатель личных имен и указатель географических наименований.

Новое издание смоленских грамот осуществлено на высочайшем уровне актов археографии. Оно не лишено некоторых спорных моментов, которые словно приглашают к дискуссиям и обсуждениям, предлагая исследователям новый материал для размышлений. В книге А.С. Иванова и А.М. Кузнецова нет ничего случайного, и всё — часть единой новой концепции происхождения и бытования смоленских актов в протоканцелярской практике ранних государств. Virtuозность и тщательность, продемонстрированные при подготовке нового издания смоленских грамот, обеспечивают ему долгую жизнь в науке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990.

Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998.

Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954.

Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). М., 1963.

Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958.

Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958.

Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963.

Арциховский А.В., Тихомиров М.Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953.

Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978.

Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в.: Акты Соловецкого монастыря 1479–1571. Л., 1988.

Акты социально-экономической истории. М., 1952. Т. 1.

Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты Московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.) / Сост. Л.И. Ивина. Л., 1983.

Иванов А.[С.], Кузнецов А.[М.] Смоленско-рижские акты XIII в. — первая половина XIV в.: Документы комплекса *Moscowitica — Rutenica* об от-

- ношениях Смоленска и Риги. Рига, 2009 (Latvijas Arhīvi, серия «Исторические источники»). 765 с., на русск. и латышск. яз.
- Иванов А.С., Кузнецов А.М.* Договор неизвестного смоленского князя XIII века // Проблемы источниковедения. М., 2010. Вып. 2 (13). С. 136–182.
- Каштанов С.М.* Актовая археография. М., 1998.
- Каштанов С.М.* Договор России с Ливонией 1535 г. // Каштанов С.М. Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014. С. 483–638.
- Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996.
- Каштанов С.М.* Исследование о молдавской грамоте XV века. М., 2012.
- Каштанов С.М.* Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014.
- Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970.
- Каштанов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988.
- Кистерев С.Н.* Новое издание документов о России и греческом мире в XVI веке // Очерки феодальной России. М., 2005. Вып. 9. С. 311–334.
- Кучкин В.А.* О древнейших смоленских грамотах // ИСССР. 1966. № 2. С. 103–114.
- Никитин Н.И.* Об «усложненных» и «упрощенных» правилах издания актовых источников // Отечественные архивы. 1993. № 4. С. 119–122.
- Новонайденная жалованная грамота Ивана III и Василия III 1504 г. Спаскому Валаамскому монастырю // АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 419–443.
- Основные правила публикации документов Государственного архивного фонда Союза СССР. М., 1945.
- Правила издания исторических документов. М., 1956.
- Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности. М., 1961.
- Россия и греческий мир в XVI веке / Отв. ред. С.М. Каштанов; Подгот. к публ. С.М. Каштанова, Л.В. Столяровой, при участии Б.Л. Фонкича. М., 2004.
- Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. М., 1986–1992. Ч. 1–5.
- Саввин Сторожевский монастырь в документах XVI века из собраний ЦГА-ДА. М., 1992.
- Смоленские грамоты XIII–XIV веков / Подгот. к печати Т.А. Сумникова и В.В. Лопатин. Под ред. чл.-корр. АН СССР Р.И. Аванесова. М., 1963.
- Столярова Л.В.* Проблемы истории феодальной России в творчестве Сергея Михайловича Каштанова // Ad fontem / У источника. М., 2005. С. 7–77.
- Янин В.Л., Зализняк А.А.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1990–1993 гг. // ВЯ. 1994. № 3. С. 3–22.
- Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.

Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004.

Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.

Tobien. E.S. Die ältesten Tractate Russlands, nach allen bisher entdeckten und herausgegebenen Handschriften verglichen, verdeutschet und erauert durch Dr. jur. E.S. Tobien // Sammlung kritisch-bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechtes, hrsg. durch Dr. jur. E.S. Tobien. B. 1: Die Prawda Russkaja und Die ältesten Tractate Russlands. Dorpat, 1844. S. 41–72.

Ljubov Stoljarova

THE NEW EDITION OF THE EARLIEST SMOLENSK DIPLOMAS
OF THE THIRTEENTH AND FOURTEENTH CENTURIES
(ON THE PUBLICATION BY A. IVANOV AND A. KUZNETSOV)

Abstract: The fundamental edition of Smolensk and Riga diplomas prepared by A. Ivanov and A. Kuznetsov appeared in Latvia in 2009. The publication is the realization of the authors' holistic approach that had been formed on the basis of the all-embracing diplomatic, textual, lexical, orthographic and palaeographic study of the available Smolensk diplomas of the thirteenth and fourteenth centuries. The reviewer analyses in detail modern principles of publication of medieval literary texts of Slavonic documents in Cyrillic script, as well as the developed by Ivanov and Kuznetsov rules for the edition of Smolensk diplomas. Various actual problems of study and publication of early documents are broached, the complicated and simplified norms of historical and linguistic edition among them. The reviewer shows that the archaeological principles of the new edition of Smolensk diplomas of the thirteenth and fourteenth centuries that has united the experience of linguistic as well as diplomatic editions are the result of many years of scholarly work (the historical investigation of every published diploma, their origin, their diplomatic form and palaeographic peculiarities, systematic history of their texts which found reflection in the preserved versions and copies). Due to such approach to the investigated body of diplomas A. Ivanov and A. Kuznetsov have suggested new attributions of Smolensk diplomas, grounded more precisely their dating and offered new (in many aspects) interpretations of each text in the totality of Smolensk and Riga diplomas of the thirteenth and the second half of the fourteenth centuries. The reviewer emphasizes the exceptional importance of the 2009 edition for the study and publication of early documents. The study of both inner and outer form of the documents in the publication is so detailed, based on thorough formal analysis and the latest methods of the study of handwriting and parchment, decorative components and diacritical marks, modes of attachment

of seals and appreciation of their quality that it can be ranked among the best humanitarian publications of medieval texts nowadays. The review is concerned with exclusively archaeographical problems which have found reflection in the new edition of Smolensk diplomas (the way of choosing the copies and the development of the rules of their reproduction), as well as with the realization of the authors' conception concerning the correlation of various copies and variants of the Treaty of 1229, the origin of the Treaty of the unknown Smolensk prince concluded in 1229, etc. The reviewer pays special attention to the analysis of the modes of reproduction of the texts of Smolensk diplomas, to the analysis of the structure and quality of the reference apparatus of the 2009 edition as well as to the correlation of the new publication with the classical work by T.A. Sumnikova and V.V. Lopatin (1963).

Keywords: diplomatics, study and publication of early official documents, Smolensk diplomas of the thirteenth and fourteenth centuries, rules of the edition of medieval texts, review